

8. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.
9. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.
10. Ядов В.А. Стратегии и методы качественного анализа данных // Социология: методология, методы, математические модели. 1991. No 1.
11. Becker H.S. Social Observation and Social Case Studies // International Encyclopedia of Social Sciences. 1968. Vol. 11.
12. Cooley C.H. Case Study of Small Institutions as a Method of Research // Publications of the American Sociological Society. 1927. No 22.
13. Yin R.K. Case Study Research: Design and Methods // Applied Social Research Methods Series. L., 1989. Vol. 5.
14. Козина И.М. Теоретические и методические проблемы case-study как стратегии социологического исследования (на примере изучения производственных отношений на промышленном предприятии): Автореф. дис. ... к.с.н. М., 1996.
15. Рабочая книга социолога. 2-е изд. М., 1983
16. Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М., 2003.
17. Gergen K.G. Realities and Relationships. Soundings in Social Construction. L., 1994.
18. Гурко Е. Деконструкция: тексты и интерпретация. Минск, 2001.
19. Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.
20. Зиммель Г. Социальная дифференциация // Тексты по истории социологии XIX–XX веков. М., 1994.
21. Boudon R. L'art de se persuader. Paris, Fayard, 1990. P.57 // Цит по: Ватье П. Георг Зиммель. Социология знания и когнитивная философия // Социология и социальная антропология. СПб., 1997.
22. Мангейм К. Структурный анализ эпистемологии. М., 1992.
23. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
24. Ватье П. Георг Зиммель. Социология знания и когнитивная философия // Социология и социальная антропология. СПб., 1997.
25. Мамчур Е.А. Проблемы социокультурной детерминации научного знания. М., 1987.
26. Шевцов А.А. Введение в общую культурно-историческую психологию. СПб., 2000.
27. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М., 1997.
28. Hacking I. The Social Construction of What? L., 2001.
29. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. М., 1995. Т. 16. № 1.
30. Golinski J. Making Natural Knowledge. Constructivism and the History of Science. L., 1998.

Н.М. Урманцев

САМООРГАНИЗАЦИЯ И СВОБОДА ЧЕЛОВЕКА

Башкирский государственный педагогический университет, г. Уфа

Синергетика применяется к пониманию самых разных явлений природы и мира человека. «Наша судьба и история мира пишется одной рукой», – это выражение из «Алхимика» П. Коэльо хорошо передает предмет синергетики, которая пытается выступить в самых разных модификациях, более-менее отдаленных приложениях. Сама синергетическая система знания развивается через «синергетический подход к ...». Сегодня мы находимся на пути к социосинергетике или гомосинергетике [8, с. 62–79]. В синергетике пытаются найти убедительные доводы в пользу ее применения к пониманию феномена человека, основ и главных характеристик его бытия, его творческой природы.

Традиционное для западного менталитета противопоставление природы и культуры не отвечает современным тенденциям развития человека, поскольку и природа, и культура основываются на едином начале, а различные ветви глобальной эволю-

ции взаимосвязаны гораздо теснее, нежели просто схожими принципами и в генезисе и структурно. Идеи, принципы и методы синергетики, как теории самоорганизации, во многом определяют облик научной и мировоззренческой картины мира, и поэтому они служат основой новых философских изысканий. Пока еще трудно предсказать, явится ли парадигма самоорганизации началом новой научной революции, но ее достижения несомненно имеют право на применение в анализе актуальных философских и научных проблем.

Синергетика, находясь в авангарде современного естествознания, созвучна исканиям мыслителей прошлого как Запада, так и Востока, стремившихся понять мир в его целостности, соединить массу разрозненных знаний о реальности в единое мировидение, приоткрывающее логику высоких смыслов бытия мира и человека. «И синергетическое мировидение как видение мира сквозь призму зако-

нов его самоорганизации призвано не только показать современному человеку идентичность, синхронность законов мироупорядочения в природе, обществе, культуре, человеческом сознании (в процессе его собственного мироосмысления), но научить его распознавать в спонтанном разнообразии мирской повседневности общие универсальные алгоритмы саморазвития, самоструктурирования и формообразования» [4, с. 56].

Синергетические представления возникли в лоне естественно-научных моделей устройства мира, и они формулируются посредством понятийного аппарата точных наук. И здесь возникает принципиальный вопрос: применима ли синергетика для анализа извечной философской проблемы свободы человека, приложима ли она к процессам его культурно-исторического становления как существа свободного и творческого? Можно в этом увидеть возрождение редукционизма, сведение трудноуловимой сущности человека к универсальным естественно-научным схемам. Тем не менее «корректное осуществление синтагматического переноса концептуально-понятийного аппарата синергетики из физико-математических наук в общественные – дело трудное, но совершенно необходимое» [5, с. 102], поскольку это становится мощным фактором сближения естествознания и человекознания и позволяет нащупать основу для построения универсальной эволюционной картины мира [14, с. 182]. При этом присущий классической науке редукционизм при интерпретации эволюционно высших форм взаимодействия отчасти компенсируется противоположной тенденцией: низшие формы взаимодействия рассматриваются с точки зрения их эволюционного возвышения. Такой подход позволяет достичь нового синтеза «парадигм причинной и целевой детерминации, субъектного и объектного подходов...», что, в свою очередь, «сопряжено с органичным перерастанием дисциплинарной стадии развития науки в постдисциплинарную (проблемную), подобно тому, как столетиями ранее дисквалификация субъектно-целевых категорий послужила водоразделом между додисциплинарной антропоморфной картиной мира и наукой, расчлененной на отдельные дисциплины» [11, с. 93].

В условиях таких познавательных установок человек становится центральным узлом научной картины мира, стягивающим его многообразные смысловые силовые линии, а не остается как ранее где-то на периферии конфигурации мироздания неким непонятным, случайным фактором и даже, по выражению И. Пригожина, «своего рода “ошибкой”» [14, с. 163]. Свободолюбивые амбиции человека здесь не могут получить, конечно, адекватного обоснования как отклика на зов универсальной

эволюции в ее поисках неординарных форм самоорганизации. Напротив, постнеклассическая наука, пронизанная идеей самоорганизации, принимает факт существования человека как наиболее достоверный и исходит из него для построения универсальной теории.

На философском уровне синергетического знания идеи самоорганизации дают возможность войти в смысловую плоскость предельных оснований человеческого бытия со стороны его онтологических предпосылок, выявить его особенности и перспективы. В литературе уже существует мнение о формировании философии самоорганизации. Как замечают В. Аршинов и Я. Свирский, есть все основания полагать, что понятийный аппарат синергетики станет источником рождения новых образов и представлений и в самой науке, и в философских интерпретациях ее достижений [2, с. 59], нацеленной на осмысление бытия человека в структуре самоорганизации универсума.

Одними из главных принципов синергетики являются принципы становления и свободы [1, с. 118], в свою очередь являющиеся стержневыми темами философии на протяжении всей ее истории. Синергетическое знание достигает высшего уровня обобщения в форме философии, что отмечается в ряде работ специалистов, работающих в этой области. Принцип свободы и идея присутствия субъекта в картине становления составляют в этих работах одно из расширений синергетической парадигмы и дает возможность и право использования ее методологических и мировоззренческих посылок для анализа проблемы свободы человека в контексте, во-первых, универсальных механизмов самоорганизации и, во-вторых, выявления особенностей сознательной самоорганизации бытия человека, раскрывающих феномен свободы на ее высших уровнях.

Синергетика вновь ставит проблему встроенности человека в мир. Прогрессистские теории, в основе которых лежит установка на покорение и переустройство мира, показали всю свою проблематичность, альтернативой этому является установка не на перестраивание человеком мира, а встраивание его в самоорганизующееся и самоупорядочивающееся мироздание, к чему и призывает синергетика в своих по сути философских поисках универсальных, «общих для мира духа и мира материи закономерности упорядочения как ориентиры для индивидуального и общественного бытия современного человека» [4, с. 33]. Понятно, что здесь теория самоорганизации выходит на уровень философской рефлексии, пытаясь выявить глубинные источники гармонии, целесообразности мироздания, заключенной в ней творческой потенции, так ярко проявляющейся в свободе человека.

Парадигма самоорганизации кладет основания для анализа нового этапа откровения универсума в адрес его неординарного агента – человека. Самоорганизация человеческого бытия есть продолжение естественной самоорганизации природы, но в иных сверхприродных, культурно-исторических обстоятельствах. Источники и механизмы самоорганизации здесь во многом формируются самим человеком и им определяются. Слепой инстинктивный выбор, характерный для животного мира, вытесняется выбором сознательным, целенаправленным, сопряженным с ответственностью. Выбор человека неизмеримо шире, и ответственность возникает не только за предпочтительный шаг, но и за нереализованные другие варианты, которые закрываются с момента сделанного выбора. Нелинейная ситуация, ситуация бифуркации путей эволюции или состояние неустойчивости нелинейной среды, чувствительности ее к малым воздействиям, связана с неопределенностью и возможностью выбора. Осуществляя выбор, субъект ориентируется на один из собственных, определяемых внутренними свойствами среды путей эволюции и вместе с тем на свои собственные предпочтения. Он выбирает наиболее благоприятный, с его точки зрения, для себя путь, который в то же время является не единственным из возможных в данной нелинейной ситуации.

Необратимость эволюции делает нас теми, кем мы являемся, итогом ряда многочисленных бифуркаций. Жизнь человека подобна литературному произведению, которое, как правило, начинается с описания исходной ситуации с помощью конечного числа слов, причем в этой своей части повествование еще открыто для многочисленных различных линий развития сюжета. Если нет «божественной точки зрения», то выбор полностью лежит на человеке – такой универсум его бытия весьма отличен от классического образа мира, но он легко соотносим с современной физикой и космологией и новой рациональностью с ее идеями нестабильности и неопределенности будущего. «На что способно человечество, не может быть никакой определенности – поскольку в конечном счете все зависит от его свободной воли» [7, с. 4]. Эти идеи ставят под большое сомнение претензии на полный контроль над какой-либо сферой реальности, любые возможные мечтания об абсолютно контролируемом обществе и управляемом человеке. Реальность вообще не контролируема в смысле, который был провозглашен прежней наукой.

В литературе процесс самоорганизации связывается с понятием спонтанности. Справедливо отмечается, что самым главным и решающим условием самоорганизации любых экономических, социальных и гуманитарных систем является постепен-

ный, эволюционный процесс формирования спонтанного порядка и новой структуры в ходе многовекового процесса проб и ошибок, где каждый шаг к успеху подкрепляется практикой, достижением лучших условий социальной жизнедеятельности людей. Такой порядок возникает в результате неявной координации, согласования деятельности, в результате столкновения интересов и целей, а также их совпадения. Он возникает непреднамеренно и его структуру нельзя вывести только из необходимости. Постепенный эволюционный отбор способствовал внедрению таких отношений норм поведения, обычаев и традиций, которые наилучшим образом соответствовали изменившимся условиям существования и жизнедеятельности людей. Приобретаемый таким образом социально-исторический, экономический, культурный и нравственный опыт закреплялся в традициях и путем подражания и обучения передавался от поколения к поколению. Именно на основе этого опыта и традиций постепенно возникли такие институты общества, как мораль, право, язык и т.д.

Самоорганизация немыслима без спонтанности, в основе которой трудно найти явно выраженные причины. Самоорганизация человека и спонтанность его активности нераздельны, свобода может быть понята как спонтанность активности человека, которая выходит за рамки следования внешнему принуждению, тяготеет отнюдь не к общепринятым шаблонам и может проявляться в различных сторонах его натуры: в чувственно-эмоциональной, интеллектуальной, а также в волевой сфере, между которыми нет жестких непроницаемых границ. Они взаимопереплетаются, взаимообуславливают друг друга, отражая целостность, неделимость, монадность каждого индивида, подпитывая источники его свободного самоопределения. «...Спонтанная активность возможна лишь в том случае, если человек не подавляет существенную часть своей личности, если разные сферы его жизни слились в единое целое», – писал Э. Фромм в «Бегстве от свободы» [20, с. 215–216].

Спонтанность невольно связывается с представлением о сознании, ибо только сознание может действовать свободно – независимо от причинно-следственных связей. Обращение к спонтанности – это протест против односторонности заданного нами самими логизированности мира, утверждение нелинейности мышления. Синергетика расширяет познавательную базу мышления, придает ему открытость и гибкость за счет того, что вскрывает источники самодвижения и свободной активности материи, которые проявляются по нелинейным законам, с конструктивным участием случайности, индивидуальности в творческом становлении мира человека в ситуации неустойчивости с возможнос-

тью многовариантного выбора в области бифуркации. Неустраняемая роль случайности, значимость малых факторов делают недостаточными только лишь логические предпосылки выбора. Полнота картины возможна посредством взаимодополнения двух способов: «постижение через образ, метафору, неопределенных ощущений и мыслеобразов и через число, являющееся символом точного научного знания» [4, с. 118–119].

О значении синергетики в формировании нового стиля мышления неоднократно говорилось в научной и философской литературе. С нашей точки зрения, нелинейное мышление интересно, помимо всего, тем, что несет в себе интенциональную неопределенность, предостерегающую от односторонних, категорических суждений, так милых формальной логике, от линейных ассоциаций и выводов, усматривая условность и неполноту рассуждений, построенных на однозначности причинно-следственных связей, предполагающих возможность единственных решений и малозначимости случайных воздействий и факторов. Между тем человек постоянно сталкивается с одноразовыми, невоспроизводимыми событиями и явлениями, не вмещающимися в эти причинно-следственные цепи. (Несовершенство правовых отношений, например, заключается в том, что законы не в состоянии охватить и учесть бесконечное разнообразие жизненных ситуаций человека, поэтому, обедняя и выхолащивая индивидуальное, стремится свести их в единые, обезличивающие описания.)

Нелинейное мышление становится характерной чертой современной методологии гуманитарных и социальных наук, и здесь оказываются продуктивными категории синергетики. Это предполагает оценку действий человека в его собственных культурно-психологических координатах, причем в контексте альтернативных сценариев. Обществоведы и гуманитарии уже недостаточно линейного сопоставления происходящих во времени событий. Мозаичность, непредсказуемость, отсутствие жесткой детерминации исторических событий заставляет учитывать в анализе то самое пресловутое сослагательное склонение, сравнивать реальные и гипотетические варианты развития событий. Разумеется, такое мышление требует несравненно большего количества информации и больших интеллектуальных усилий, что вообще отличает научное рассуждение от обыденного, более зависимого от сиюминутных настроений, различного рода предрассудков. Можно ожидать, что мощным инструментом нелинейного гуманитарного мышления в недалекой перспективе станут компьютерные программы, предназначенные для подсчитывания гипотетических вариантов развития при различных ключевых событиях [15].

Проблема объективных оснований свободы находит в синергетике новые мотивы и указывает на понятие независимости, как родственной предпосылки свободы. Независимость прежде всего означает признание наличия собственного начала у объектов и систем, признание их самоценности. Это начало выражается через внутренние параметры и свойства систем и объектов, благодаря чему «они способны противостоять внешнему давлению, иными словами, обладают внутренними степенями свободы, что и определяет специфику их функционирования и поведения» [17, с. 76]. Следует отметить, что в истории познания и философии утверждается мысль о наличии внутренних импульсов самостоятельных действий в поведении объектов и систем. Общеизвестны взгляды атомистов, о чем уже говорилось, и мнение Лейбница о том, что «естественные изменения монад исходят из внутреннего начала, тогда как внешняя причина не может иметь влияния внутри монады» [17, с. 82]. Современные представления о существовании внутренних сил и импульсов разрабатываются как раз в рамках синергетики, в анализе особенностей нелинейного мира: «Самоорганизация возможна, когда некоторые ее центры могут прервать связи отдельных объектов и систем с их окружением и включить их в орбиту своих взаимодействий и закономерностей. Это включение становится менее «силовым», менее болезненным в состоянии крайней неустойчивости» [17, с. 85].

Неустойчивость, ослабляя наличные связи, увеличивает степень независимости, свободы, тем самым создавая благоприятные условия для активизации самоорганизации, поиска не самых худших вариантов выбора. Живые системы и есть такие системы, которые обладают внутренней активностью, той или иной способностью действовать в своих интересах. Развитие организмов можно представить как их последовательное освобождение из-под власти среды. Сущность эволюции И. Шмальгаузен определил как последовательную смену внешних факторов развития внутренними.

Состояния неустойчивости характеризуются ослаблением имеющихся связей, в результате чего система своеобразно реагирует на малейшие возмущения. Движение неустойчиво, если малые отклонения вызывают большие действия. Структуры неустойчивы, если малые воздействия на них вызывают их качественную перестройку. Тем самым состояния неустойчивости порождают независимость, которая, в свою очередь, стимулирует внутреннюю активность. С этой точки зрения процессы самоорганизации с участием человека, да и в самом человеке тоже, обретают творческие импульсы в состоянии неустойчивости, неопределенности жизненных и ценностных установок. Вспомним выска-

зывание Ф. Ницше: «Надо носить в себе еще хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду» [13, с. 45]. В общеэволюционном плане человек своим бытием ослабляет природные необходимые связи, всеобщую детерминированность процессов, вторгается в них. С одной стороны, здесь реализуется его свобода, с другой – увы, порождаются серьезные цивилизационные проблемы, возможность решения которых достаточно туманна.

Случайность и неопределенность лежат в основе природы вещей, они могут порождаться нашим незнанием прошлого, специальной структурой детерминированных алгоритмов и многими другими факторами. Но случайность и неопределенность могут быть и «по существу». А детерминированность появляется как некоторый акт усреднения при переходе от микроописания к макроописанию. Об этом говорит принцип неопределенности Гейзенберга, который не позволяет с достаточной точностью фиксировать и положение частицы и ее импульс. И эти неопределенность и стохастичность пронизывают все мироздание, включая человека. Вспомним, например, что интенсивность мутагеназа зависит от температуры, которая в конечном итоге определяет уровень хаоса, порожденного энергией случайного блуждания молекул.

А человек с его непредсказуемыми эмоциями, невероятным разнообразием вариантов поведения в одних и тех же условиях? Ведь это проявление одного и того же начала – стохастичности и неопределенности, свойственных природе. В связи со всем этим меняются не представления о цели и смысле эволюции, а взгляды на ее внутреннюю структуру. «Не бытие, а становление, – вот основной императив исследовательской деятельности современного ученого» [15, с. 67]. «Не бытие как внешне наблюдаемая стабильность, а становление (неравновесность) как основное условие существования» [там же, с. 87].

А.П. Назаретян выдвигает идею вообще о провоцировании неустойчивости как имманентном свойстве поведения [12, с. 134], имеющей, на наш взгляд, фундаментальное значение в перманентном становлении, но в разной степени подходит, одно дело, к отдельному человеку и, совсем другое, – к социальным системам. Оптимальное, по мысли Е.А. Седова, соотношение порядка и дезорганизации (у него – 4 / 1) позволяет и системе, и ее отдельным элементам (индивидуумам) чувствовать себя наиболее комфортно и стабильно в состоянии предельной близости к идеалу [18]. Но путь к нему – не прямолинейное, однозначно детерминированное движение: в связи с воздействием на систему многочисленных и разнообразных факторов сам идеал подвижен, «неравновесен», но он всегда есть. Он выступает как причина структурирования

сложных объектов и, в конце концов, как причина наступления кризиса и хаоса. Этот «парадокс» – появление планетарного объективного закона развития всего живого на Земле: порядок через хаос, организация через дезорганизацию, жизнь через смерть. Данный постулат – методологическая основа относительно нового направления в синергетике – хаосологии, «которое рассматривает процесс развития как закономерное и притом многократное чередование порядка и хаоса» [21, с. 128]. Неустойчивость, неопределенность, однако, имеет, как и все в этом мире, свою меру, нарушение которой опасно и деструктивно. Согласно теории, например, выдвинутой недавно Г.К. Семиным и подтвержденной строгими математическими расчетами, бинарные системы устойчивы только внутри диапазона от 33.3 до 66.6 %. Вне этих пределов резко возрастает неустойчивость системы и требует принудительного вмешательства для ее спасения [3, с. 20].

Какое место занимает человек в формировании порядка в цепи эволюционных процессов, та составляющая универсума, которая возникла на путях его самоорганизации, его самопознания и творчества? «Пусть в ничтожной части универсума, но уже создаются принципиальные возможности качественно иных механизмов самоорганизации, отличных от тех, которые до сих пор определяли его развитие. Этот факт принципиального изменения характера эволюции имеет огромное мировоззренческое значение» [9, с. 78]. Самоорганизующийся универсум, лишенный стабильности, но не целостности, единства, естественным образом испытывает один из своих вариантов – человеческий, который не может быть дуальной реальностью двух противоборствующих тенденций. «Наблюдается сближение внутреннего и внешнего миров, что, вероятно, является одним из важнейших культурных событий нашего времени» [16, с. 51].

Самоорганизация универсума не является чем-то внешним по отношению к человеку. Человек находится в ее русле, реализует высшие формы самоорганизации, является их проводником, сам во многом определяет эти формы. Для него нет жестких ограничений, перед ним открыто множество путей, отвечающих его истинной природе быть свободным существом. И свобода в универсуме может возрастать благодаря человеку. Свобода порождает большую свободу (М.К. Мамардашвили), и в этом выражается главный смысл самоорганизации, ее внутренняя целесообразность, главный вектор. «В выходе за пределы прежних жестких рамок в самопревращении природных процессов заключена радость жизни. Во взаимосвязи с другими процессами в ходе всеобщей эволюции есть смысл, смысл жизни. Мы не являемся беспомощными объектами

эволюции. Мы и есть сама эволюция» [22, с. 154]. Необходимая включенность человека и его жизнедеятельности в универсальный мировой процесс вовсе не означает фатализма. С точки зрения зыбкого положения человека в контексте современных цивилизационных проблем слова Спинозы: «Я считаю непозволительным для себя смеяться над природой, а еще менее позволительным оплакивать ее...люди только суть часть природы... Я считаю человеческое тело частью Вселенной. Что касается человеческой души, то и ее я тоже считаю частью Вселенной...» [19, с. 308] – приобретают иной смысл. Единство универсума и человека заставляют искать единые закономерности коэволюции, и человек вынужден следовать общим тенденциям самоорганизации в качестве особой свободной силы, целенаправленно раскручивать пружину самоорганизации, освобождая заключенную в ней энергию. Но усилия «вольнотпущенника» природы правомочны и оправданы в той мере, в какой они отвечают общему ходу вещей, не переступают ту опасную грань оптимального соотношения хаоса и порядка, вне которой начинается деградация и разрушение.

С синергетической точки зрения будущее человека никак не предзадано. В грандиозном котле мировой самоорганизации человек – всего лишь одно из проявлений ее множества вариантов, возможно, с тупиковым финалом. Чтобы этого не произошло, свобода человека должна сделать правильный выбор, характер которого сегодня обозначился как глобальный. Идет проверка эффективности разумной самоорганизации в лице человека: способна ли она утвердиться в бесконечно многообразных процессах мироздания, далее приумножая его многообразие и палитру смыслов в поисках высших приложений человеческого духа.

Человеческая энтропия (или, словами А.П. Назаретяна, технико-гуманитарный дисбаланс), сопровождающаяся духовной деградацией, может быть обуздана только самим человеком, выбирающим высшее человеческое – умение и желание жить в гармонии с окружающим миром и с самим собой. «...Человеку, обреченному процессом самоорганизации на монополизм» [10, с. 87], свобода дана как результат самоорганизации универсума и может утверждаться только в деятельности, в активности человека или не реализоваться совсем. Свобода сама самоорганизуется через наращение человеческого в человеке, само человеческое неотделимо от свободы, получающей мощный импульс в его деятельности, и нацелена на преодоление неактуальных человеческих качеств и устремлений в пользу утверждения более высоких их форм, чтобы человеческому не окостенеть в уродливых несовершенных формах. Здоровая толика неопреде-

ленности в утверждении собственного образа и жизненных предпочтений – залог открытости будущего и беспредельного развития. Поэтому справедливо будет сказать, что нельзя относиться к человеку как к природному факту, описываемому вполне в духе детерминизма. Человек составляет некоторую самосушную реальность, «не отделенную средствами физического исследования (внешнего наблюдения) от наблюдения сознательной жизни и смысла» [6, с. 37].

Сама способность к самоорганизации наводит на мысль о разумности природы в том смысле, что самоорганизующаяся тенденция схожа с избирательностью разума. «Бог – не творец, а Разум Вселенной» [22, с. 157]. Если это так, то очевидна условность раздвоения универсума на субъект и объект, деления на «высшее» и «низшее», «лучшее» и «худшее». Грубое вмешательство в естественный ход вещей, доступный человеку в силу его универсальности, привычность насилия держит сознание, строй мышления в состоянии линейной функциональности: примитивное понимание реальности, простые незамысловатые действия, ожидание однозначных следствий, озадаченность тем, что «получилось как всегда». Диктат глубоко противостоит самоорганизации. Осознание этого не может не привести к структурным изменениям в чем бы то ни было: в целеустановках, в поведении, в языке, в отношениях людей друг к другу, в самоидентификации человека и во многом другом, связанном с психофизической структурой человека.

Если все самоорганизуется, то есть выбирает наиболее удобный для себя путь, то человек своим вмешательством может помешать этому процессу, но может и помочь, угадав характер изменений, воздействуя точно на тонкую материю (акупунктура). Поэтому синергетики и видят главное – не в силе, а в правильной топологической конфигурации, архитектуре, резонансном воздействии на сложную среду (С.П. Курдюмов). То есть самоорганизующаяся Вселенная или Эволюция предоставляют свободу выбора, рассчитывает на поддержку Разума человека, но Разума не инструментального, но универсального, нацеленного на поддержание системных взаимосвязей универсума и человека, способного переводить тепло Солнца в тепло и благо человеческой действительности. Эволюция, таким образом, сама по себе самоорганизуясь, тяготеет к свободе через усложнение, диверсификацию, игру и соперничество различных тенденций в выборе и утверждении различных векторов развития, и человек оказывается на магистральных путях этих процессов.

Самоорганизация бытия человека осуществляется на беспрецедентной основе – его свободе, пронизанной сознанием, волей, а также игрой чувств, воз-

действующих часто на выбор человека решающим образом. Свобода позволяет человеку, с одной стороны, не быть игрушкой в руках объективных, надличностных сил, но с другой – не предоставляет ему всевластия абсолютного творца, конструирующего мир по своему усмотрению. Человек вынужден быть учеником природы, гармонизирующим свое бытие по законам универсального миропорядка. В неравновесном, нестабильном мире свобода человека является мощным дестабилизирующим фактором в пределах все расширяющихся возможностей, источником беспрецедентных форм и феноменов самоорганизации, способных не только поднять его на ошеломляющие высоты, но и похоронить человеческую цивилизацию. В поисках путей самосохранения необходимо «мировоззренческое возвышение организации себя и своего окружения до уровня абсолютных смыслов. Современный человек – человек научно-технической эры, убеждаясь в синхронности и идентичности законов самоорганизации в природе, социуме, культуре, развитии психической сферы, находит в таком мировидении надежное рациональное, этическое и эстетическое основание для осмысления своей частной жизни в общем потоке гармонизации и упорядочения бытия» [4, с. 52]. Сама же

свобода не должна пониматься как источник власти над миром, а как сила, обязывающая к внутреннему преобразению человека, познающего и чувствующего, стремящегося восстановить внутреннюю связь с реальностью, с космосом, на пути выявления объективных смыслов миропорядка. Свобода предоставляет человеку различные пути, в том числе и альтернативные. Она дает ему возможность, преодолев издержки бурного развития, вернуться к тем основам бытия, которые отвечают его доброй и творческой сути.

Таким образом, синергетика, утверждая единство мира, встроенность человека в универсум, подводит онтологические основания для преодоления пропасти между материальным и идеальным, позволяет представить в единстве различные грани природы человека. Она дает возможность выявить объективные основания свободы, поскольку сводит ее только к духовному состоянию, к высшему модусу духа было бы явным обеднением содержания понятия свободы, ее реального существования в соответствии с законами «предустановленной гармонии» – к чему стремилась мысль человеческая и что не может не осуществиться, ибо изначально есть закон самого Бытия – самоорганизация.

Литература

1. Аршинов В.И., Войцехович В.Э. Синергетическое знание: между сетью и принципами // Синергетическая парадигма. М., 2000.
2. Аршинов В.И., Свирский Я. Философия самоорганизации. Новые горизонты // Общественные науки и современность. 1993. № 3.
3. Аршинов В., Буданов В., Суханов А. Естественно-научное образование гуманитариев на пути к единой культуре // Общественные науки и современность. 1994. № 3.
4. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем. Синергетика и теория социальной самоорганизации. СПб., 1999.
5. Гамаюнов С. От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. 1994. № 2.
6. Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М., 1997.
7. Кисилев Г.С. Свобода и эволюция // Вопросы философии. 2005. № 10.
8. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Антропный принцип в синергетике // Вопросы философии. 1997. № 3.
9. Моисеев Н.Н. Современный рационализм и мировоззренческие парадигмы // Общественные науки и современность. 1994. № 3.
10. Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (синергетика социального прогресса). Курс лекций. 2-е изд. М., 1996.
11. Назаретян А.П. Синергетика в гуманитарном знании, предварительные итоги // Общественные науки и современность. 1997. № 2.
12. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М., 2001.
13. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и не для кого: Пер. с нем. СПб., 2002.
14. Пригожин И. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках. М., 1985.
15. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986.
16. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6.
17. Сачков Ю.В. Независимость в структуре бытия и познания // Свободная мысль. 1995. № 12.
18. Седов Е.А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки и современность. 1993. № 5.
19. Спиноза Б. Богословско-политический трактат. М., 1935.
20. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990.
21. Чешков М.А. Синергетика: за и против хаоса (замечки о науке эпохи Глобальной смуты) // Общественные науки и современность. 1999. № 6.
22. Янч Э. Самоорганизующаяся Вселенная. Введение и обзор: рождение парадигмы из метафлуктуации // Общественные науки и современность. 1991. № 1.